

ГЛАВНЫЙ СТРОИТЕЛЬ ЛЕСТЕХА

Решением учёного совета Уральского государственного лесотехнического университета 26 декабря 2013 года студенческому городку вуза присвоено имя бывшего проректора по административно-хозяйственной части, заслуженного работника лесной промышленности РСФСР Ю.А. Серова.

Такое решение учёный совет принял не случайно, а в связи с 80-летием Юрия Алексеевича. К сожалению, присутствовать на заседании учёного совета, где принималось это решение, юбиляр не смог из-за болезни. Узнал об этом от ректора УГЛТУ Андрея Вениаминовича Мехренцева, который сразу после заседания позвонил ему, поздравил с днем рождения и сообщил эту приятную новость. А вечером дочь Елена, кстати, тоже сотрудник лестеха, кандидат технических наук, заведующая кафедрой общей и неорганической химии, принесла домой университетскую газету «Инженер леса» уже с напечатанной в ней заметкой об этом событии. Ну, и тоже от души поздравила отца.

Конечно, новость растрогала ветерана. Было приятно, что его заслуги помнят, ценят. А они и в самом деле велики. Юрий Алексеевич отдал УГЛТУ почти пятьдесят лет! И более сорока из них работал в одной и той же должности – проректора по АХЧ, как говорят, создавал материальную базу – строил новые учебные корпуса, общежития, жилые дома для сотрудников, объекты общественного питания и соцкультбыта.

Всего при его непосредственном участии построено для УГЛТУ семьдесят зданий и сооружений! Это почти 70 процентов всей МТБ. Неслучайно за Серовым закрепилось и другое звание – главный строитель лестеха.

К сожалению, в последнее время Юрий Алексеевич часто болеет. Уже почти год не был в альма-матер. Даже на улицу редко стал выходить. А потому встретились мы с ним у него на квартире. Принял Юрий Алексеевич меня радушно, усадил в удобное кресло возле своего рабочего стола. Сам сел напротив. Елена Юрьевна заварила нам по чашке чая.

– Конечно, было бы лучше встретиться в институте, пройтись по студенческому городку, как говорится, увидеть все, что мы строили, своими глазами, – словно извиняясь, начал Юрий Алексеевич. – Да вот беда: ноги, будь они неладны, плохо

слушаются! Ходить тяжело стало. Даже по дому передвигаться – и то проблема.

Между тем в комнате у Юрия Алексеевича идеальный порядок. Вещи лежат там, где привык их видеть хозяин. Все необходимое под рукой. Когда он начал вспоминать далекие студенческие годы, тут же из ящика стола извлек альбом с фотографиями. Некоторые из них уже пожелтели от времени, даже лица тяжело разглядеть, но Юрий Алексеевич помнил всех, кто на них запечатлен. Несмотря на свои восемьдесят лет, он без труда называл фамилии и имена людей, с которыми приходилось учиться и работать, даты событий, в которых принимал участие, а также цифры, касающиеся освоения средств на тех или иных стройках. Словом, памяти его можно позавидовать. Кроме того, Юрий Алексеевич сохранил многочисленные документы той поры, отчеты, записные книжки, газетные вырезки. Поэтому общаться с ним было интересно и познавательно.

Кстати, в Уральский лесотехнический институт Юрий Алексеевич во многом попал случайно. Родился он в 1933 году в Ленинграде, в семье военного. Его отец, Серов Алексей Емельянович, закончил Ленинградскую военно-политическую академию имени Фрунзе. После чего его как кадрового офицера направили служить в город Белая Церковь, что на Украине. Здесь и настигла семью Серовых Великая Отечественная война. Уже 22 июня 1941 года Белая Церковь подверглась бомбардировке. Юрию тогда было всего семь лет, но панику, которая возникла в городе, он помнит до сих пор. Сразу началась эвакуация мирного населения. Семьи военнослужащих – в первых рядах.

– Эвакуировали в спешном порядке, – вспоминал Юрий Алексеевич. – Однако вещей с собой почти не брали. Была уверенность, что скоро вся эта кавария закончится, и мы вернемся домой. Посадили нас в кузов «полуторки» и отправили в Харьков. Здесь нас ждал уже поезд. Нет, не пассажирский, а обычный товарняк. Загрузили в вагон-теплушку и повезли на восток. Через несколько дней пути мы добрались до родины отца – Пензы. Здесь, не так далеко от города, в деревне Мерлинке, жили родители отца. Сюда он и решил нас отправить от греха подальше. Однако прожили мы тут недолго. Вскоре

Лестеховцы, изменившие мир

мать решила перебраться к своим родителям в село Обухово Ярославской области. Здесь мы и пережили суровое время, а в 1945-м встретили вернувшегося с войны отца, слава Богу, здорового и невредимого. В отставку он не ушел, а потому вскоре его направили служить в Узбекистан, а потом – в Казахстан. Я только успевал менять школы. После демобилизации отец решил вернуться в Пензенскую область. Поселились мы в поселке Лунино. Здесь в 1954 году я закончил десятилетку, получил среднее образование. В тот же год поехал поступать в Саратовский автомобильно-дорожный институт. Все экзамены сдал на четыре, но этого оказалось недостаточно. Короче, не прошел по конкурсу. Вновь вернулся в Лунино. Отец говорит: «Не отчаивайся. Поступишь на следующий год. А сейчас будем строить свой дом». Меня эта новость вдохновила. Я даже стал набрасывать какие-то чертежи нового нашего жилища. Как говорится, проект в уме рисовать. Местный военкомат помог отцу получить делянку. С каким азартом мы валили в лесу мачтовые сосны! Выбирали самые высокие, самые лучшие!..

Можно сказать, тогда и состоялось у Юрия первое и близкое знакомство с лесом. Тем не менее до идеи поступать в Уральский лесотехнический было еще далеко.

– Помню, привезли из леса бревна, разгрузили, сложили штабелем, – продолжал рассказ Юрий Алексеевич. – Затем сели с мужиками за стол обедать. Вдруг подходит мать и протягивает отцу повестку о призыве меня в армию. «Ну вот, – вздохнул отец, – придется дом строить без тебя». Уже через день меня проводили вместе с другими новобранцами на призывной пункт в Пензу, а оттуда отправили на станцию Шахунья Горьковской области. Я попал в учебный отряд железнодорожных войск. После прохождения курса молодого бойца меня перевели в воинскую часть, которую вскоре перебазировали в Казахстан. Судьба снова забросила меня в края, где жил в детстве: несколько лет отец служил в Кокчетаве. Но на этот раз я оказался в Кустанайской области. Переброска части осуществлялась несколькими эшелонами. Дело было уже зимой. Я попал в первый эшелон. Как раз тут на меня свалилось первое и важное задание: командир роты поручил организовать питание солдат по пути следования. В моё подчинение были переданы кухня-теплушка и склад с продуктами. Склад – это целых два вагона с продовольствием – крупой, мукой, хлебом, сахаром, солью, консервами. Хоть я и был по званию рядовой, в моем подчинении оказа-

лись повар и три солдата-кладовщика. Ехали до места назначения долго – около недели. Каждый день с поваром мы составляли меню на завтрак, обед и ужин. Выдачу продуктов я производил строго под роспись. Казалось, контроль был полный. Тем не менее, когда прибыли на место назначения, на станцию Кайбагор, была проведена ревизия оставшегося продовольствия, и выявилась недостача 50 килограммов сахара. Куда он мог деться? Я ужасно перепугался, думал, отдадут под суд или посадят на «губу», но тот же командир роты, который меня назначал старшим по кухне, смог этот инцидент уладить. Рядом со станцией наша воинская часть разбила палатки. Первые два месяца в них и жили. Спали на двухъярусных нарах, покрытых соломой. Было, конечно, ужасно холодно, многие тогда простыли. Наша воинская часть была переброшена в Кустанайскую область для строительства железнодорожной ветки Карталы – Атбасар. Шло освоение целины, и военные в этом деле тоже принимали активное участие.

Как считает Юрий Алексеевич, именно тогда, в армии, он впервые почувствовал вкус к строительству. Нравился сам процесс. Было приятно видеть, как в необжитой местности растут дома, появляются дороги. Словом, зарождается жизнь. Офицеры быстро разглядели способности в молодом солдате. Тем более за плечами у Серова была десятилетка – по тем временам средним образованием мог похвастаться далеко не каждый. Поэтому командование направило его на очередные курсы – нормировщиков. По окончании их Серов вновь вернулся в свою часть. К этому времени он уже стал сержантом. Отцы-командиры не прогадали: Серов стал прекрасным нормировщиком, умело составлял планы, сметы строительства и отчеты. Там же, в армии, Серов увлекся спортом – лыжами, легкой атлетикой. Участвовал в кроссах на первенство части. На третьем году службы (раньше три года служили), ему было присвоено звание старшего сержанта, а также он был принят кандидатом в члены КПСС.

Что характерно, осенью 1956-го, перед увольнением в запас, в пустынной степи Казахстана Серову еще раз довелось соприкоснуться с лесом. Тогда среди комсомольцев был брошен клич – озеленить Казахстанскую степь, превратить ее в сад. Однажды в Кайбагор привезли саженцы – несколько десятков тополей и сосен. Офицеры организовали субботник. Серов тоже принял в нем участие. Саженцы посадили в виде аллеи. Если они прижились, то сегодня это большие деревья!..

Лестеховцы, изменившие мир

Юрий Алексеевич не скрывает: армейский опыт в жизни ему потом пригождался не раз. Полученные знания он применял и на гражданке.

После службы Серов опять вернулся к себе в Лунино. Однажды, выйдя утром в спортивной одежде на привычную утреннюю пробежку, он встретил на улице знакомого учителя, который работал в семилетней школе соседнего села Пыркино. Разговорились. И тот сказал, что у них нет учителя физкультуры. Посоветовал устроиться и попробовать себя в этом качестве. Серов так и сделал. Работать все равно где-то надо было. И его приняли! Здесь, в Пыркино, Юрий Алексеевич познакомился с бывшим молодым офицером, ушедшим в отставку, Львом Арбузовым. Они были почти ровесниками. Между ними быстро завязались приятельские отношения. Арбузов был из семьи лесника. И с детства мечтал пойти учиться на лесовода. И вот однажды Лев показал Юрию справочник для поступающих в вузы. В нем была информация и об Уральском лесотехническом институте. Как раз эта информация, а по сути, реклама и привлекла внимание молодых людей, обдумывающих жизнь. В справочнике говорилось: «институт готовит крупных специалистов лесного хозяйства и руководителей лесхозов». Будущие абитуриенты поняли эти слова буквально. И решили, что надо срочно поступать в такой вуз. Перспектива стать крупными руководителями им нравилась. В конце лета они поехали в далекий Свердловск поступать в УЛТИ. И им это удалось: по итогам экзаменов оба были зачислены на первый курс лесохозяйственного факультета.

Однако учёба в аудиториях началась не сразу. 1-го сентября 1957 года прозвучал очередной призыв комсомола к советской молодежи – помочь стране убрать выращенный урожай. Из студентов первого курса УЛТИ был сформирован отряд, который направили на Алтай, на уборку хлеба. Будущий лесовод Серов вновь оказался в рядах целинников.

– Жили опять почти в таких же условиях, как и в армии, – вспоминал дальше Юрий Алексеевич. – В таких же палатках с нарами. Но для меня такая походная жизнь уже была привычной. Работали от зари до зари. В Свердловск вернулись уставшими, но с чувством победителей. Многие по итогам уборки были награждены почетными грамотами, ценными подарками, а мне вручили медаль «За освоение целинных и залежных земель».

В уборочном отряде лидерские позиции Серова проявились в очередной раз. Для многих студентов он стал авторитетом, человеком, который мог пове-

сти за собой. А потому неслучайно, что вскоре его избрали освобожденным председателем профкома института. Вообще-то это редкий случай, чтобы студент на освобожденной основе возглавлял в вузе такой важный орган. Но Серова это не испугало, и он успешно совмещал учёбу с работой. Главное – у него все получалось.

– Очень хорошо, – считает Юрий Алексеевич, – что в то же самое время секретарем комитета ВЛКСМ избрали моего приятеля Алексея Перерву. Он не стал тянуть одеяло на себя, а наоборот, предложил тесное сотрудничество. Мол, что нам делить мундир? В итоге подобрали актив, который оказался един во всем. Почти все мероприятия планировали и проводили вместе. Это сильно помогало. Вскоре все увидели, что профсоюзная и комсомольская работа на высоте. Нас начали хвалить в обкоме профсоюза и в обкоме ВЛКСМ, ставить в пример другим. Первым делом мы начали налаживать быт и отдых студентов. В общежитиях были созданы студкомы. При кафедре физвоспитания организовали спортивный клуб, который позже вошел в известное в городе ДСО «Буревестник». Начала издаваться стенгазета «БОПИКС» – боевой орган профсоюзной и комсомольской сатиры. В ней особенно активно сотрудничали студенты Р. Швабский, В. Ромашкин, А. Добрачев, Г. Повод. Последний был талантливым художником-карикатуристом, а Добрачев писал хлесткие стихи и эпиграммы. Газета пользовалась большой популярностью.

В 1960 году обком ВЛКСМ признал работу студенческого городка УЛТИ одной из лучших в Свердловске. Тогда Серов с Перервой решили: пора выходить на более высокий уровень – участвовать во всероссийском соревновании вузов за звание «Лучший студенческий городок». Вернее, номинация звучала так – «За лучшие условия труда, быта и отдыха студентов». Подготовили соответствующие бумаги, решения, оформили красочный альбом и поехали в Москву, в ВЦСПС. Записались на прием к высокопоставленному чиновнику, который занимался решением этих вопросов, сели и стали ждать, когда их вызовут.

– Тот визит в столицу мы вспоминали еще долго, – с улыбкой рассказывал Юрий Алексеевич. – Шоком для нас было то, что в ВЦСПС, как нам показалось, про наш УЛТИ никто и слыхом не слыхивал! Секретарь – строгая и красивая дама – спросила, кто мы такие и откуда. Мы представились. Она сняла трубку и доложила, что прибыли люди из Свердловска, из УПИ. Мы в голос поправили её: «из УЛТИ!»

Лестеховцы, изменившие мир

Но она и ухом не повела на нашу реплику. Заходим к чиновнику, и он тоже начинает общаться с нами как с представителями УПИ. Мы говорим: «Мы не из УПИ, а из УЛТИ». Начальник делает большие глаза. Аббревиатура УЛТИ, похоже, ему ничего не говорила. В итоге во время разговора чиновник еще несколько раз путался и произносил слово «УПИ», а мы его робко поправляли: «УЛТИ». Честно говоря, это разговор нас задел за живое. Мы поняли, что по популярности мы сильно уступаем тому же УПИ, и еще больше захотели победить во всероссийском соревновании. Мы решили, что если займем первое место, то тогда вся Россия узнает о нас, и УЛТИ станет по-настоящему известным. Самое приятное, что наши с Перервой хлопоты оказались ненеприятными, увенчались успехом. По итогам конкурса, в котором приняло участие 900 вузов, мы заняли тогда почетное второе место! А уже через год – первое! Позже мы не раз завоевывали призовые места и в более крупных всесоюзных соревнованиях – между вузами СССР!

Одно из самых запоминающихся событий в жизни студента Серова произошло в конце 1961-го. Перед самым Новым годом его вызвал к себе ректор института Григорий Федорович Рыжков и, что называется, огорошил: предложил должность проректора по административно-хозяйственной части.

До этого пост занимал ветеран вуза Н.А. Игнатъев, но он скоропостижно скончался. Возникла вакансия. Рыжков стал думать над новой кандидатурой и неожиданно остановил свой выбор на председателе профкома. Смущало одно – Серов был еще студентом. Правда, последнего пятого курса. Но Рыжков решил, что это не помеха, раз Серов параллельно с учебной отлично справляется с обязанностями председателя профкома, то справится и с обязанностями проректора.

Над предложением ректора Серов думал несколько дней. Сомнения, вспоминает Юрий Алексеевич, конечно, были. Однако оказанное доверие льстило, подкупало.

Назначение Серова проректором произвело в вузе настоящий фурор. Приказ об этом Рыжков подписал 3 января 1962-го. Все об этом только и говорили. Ничего себе – студент-проректор! Вот это феномен! Некоторые откровенно недоумевали: как можно назначать на такую ответственную должность человека, у которого еще незаконченное высшее образование? Одобряют ли это в минвузе? Однако Рыжков смотрел в будущее, думал о перспективе. Перед

институтом стояли большие задачи, надо было развивать материально-техническую базу. И он понял, что Серов лучше, чем кто-либо, потянет этот воз.

Кстати, диплом Серов защитил на «отлично». Многие его друзья после окончания вуза уехали по распределению в разные города СССР. Лев Арбузов, с которым Юрий Алексеевич вместе поступал в институт, попал на Дальний Восток. Он тоже сделал хорошую карьеру, работал руководителем лесхоза, а затем начальником отдела в региональном управлении лесного хозяйства...

УГЛТУ, как и большинство других старейших вузов России, прошел большой путь становления. В 1930 году, когда его только создали, он размещался всего в нескольких комнатах бывшего Екатеринбургского епархиального училища на улице Декабристов, 58. Молодому советскому государству требовались специалисты лесного хозяйства, поэтому набор студентов рос, а аудиторий не хватало, требовались новые площади. Руководство института обратилось к областным властям с просьбой выделить новые помещения. Их выделили, но в разных частях города. Разумеется, это создавало массу неудобств.

Через пять лет мытарств по разным зданиям стало ясно: вузу необходима своя материально-техническая база и свой студенческий городок. И такое место нашли – на Сибирском тракте. Под ГУК – главный учебный корпус – выделили четырехэтажное здание бывшей школы ФЗУ Наркомата внутренних дел. Внешне с лицевой стороны оно и сейчас практически не изменилось.

Тогда это была окраина города, совсем рядом начинался лес, хватало и пустырей. Именно их и передали вузу для строительства будущего студенческого городка. В общей сложности – более 16 гектаров земли. Позже, уже в девяностые годы, к ним добавится еще десять – для расширения сада лечебных культур имени Вигорова, ныне памятника природы областного значения.

Лестех развивался неравномерно, поэтапно. Юрий Алексеевич выделяет три основных периода. Первый – с 1930-го по 1960-й годы, второй – с 1961 по 1990 и третий – с 1990 по настоящее время. По его словам, первый был самым трудным, в материальном отношении он не принёс лестеху заметного развития.

– Во многом этому помешала война, – рассказывал Юрий Алексеевич. – Уже в 1941-ом сюда были эвакуированы Белорусский лесотехнический институт и Ленинградская лесотехническая академия. Вузу

Лестеховцы, изменившие мир

пришлось уплотняться. И это притом, что аудиторий и без того не хватало. Строительства новых помещений почти не велось. Правда, тот факт, что на Урал приехали многие научные светила, сыграл другую роль – появились межвузовские связи. Целый ряд преподавателей Уральского лесотехнического института стали аспирантами у профессоров из Минска и Ленинграда. Словом, научные связи укрепились, материальная же база оставалась неизменной. Первое строительство после войны было осуществлено только в 1958 году – тогда сдали в эксплуатацию общежитие № 3. Первые два общежития были возведены еще до войны – в 1938 и 1939 годы. Тогда же была пущена котельная, а также учебно-производственные мастерские и павильон механизации.

Самым плодотворным для вуза оказался второй период. Все три его десятилетия территория Лестеховского студгородка напоминала настоящую стройплощадку.

Однако Москва не сразу строилась...

– Когда я принял хозчасть, ознакомился с должностными инструкциями, то ужаснулся, – говорил Юрий Алексеевич. – Ситуация была удручающей. По сути, никакой хозчасти и не было. Вся она располагалась в одной комнате без телефона площадью 18 квадратных метров на первом этаже главного корпуса. Кроме меня в ней сидели начальник отдела снабжения, паспортистка и завхоз. Целый угол комнаты занимал сваленный в кучу хозинвентарь – лопаты, вилы, метлы, бобины шпагата и веревок. Видя такую картину, я не на шутку загрустил. Снова пошел к ректору и говорю: «Вы назначили меня на расстрельную должность. Потому что никакой хозчасти нет, а есть одна комната, в которой не повернуться и в которой невозможно работать». Короче, заявил, что не хочу быть проректором. Рыжков меня внимательно выслушал и говорит: «Так тебе и карты в руки! Создавай, развивай и хозчасть, и матчасть. А я чем смогу, помогу. Кабинет нужен? Так строй!». Отвечаю: «Как строить, если нет никаких служб, нет строителей?» А он мне опять: «Так создавай! Для того и назначил тебя, чтоб все это было. А главное – работало!». Словом, уговорил меня не пороть горячку, и я остался. Первым делом решил изучить опыт других вузов. Объехал все институты Свердловска, посмотрел, как у них налажено производство. Понял, что в каждом есть что-то свое. Все полезное стал заимствовать. Также понял: чтобы разорвать замкнутый круг, надо с чего-то начать. С чего? Ответ напрашивался сам собою – со стройки.

Поскольку срочно требовались кабинеты для специалистов, в том числе и мне самому, решил реконструировать пристрой, примыкавший к главному корпусу здания с тыльной стороны. Он был одноэтажный, в нем размещались мастерские. Я предложил ректору надстроить второй этаж. Рыжков идею поддержал. Институт располагал кое-какими строительными материалами, которые приобретал для текущего ремонта, их мы и пустили в дело. Кроме того, у Лестеха был свой учебно-опытный лесхоз в поселке Северка. Здесь мы без труда могли брать доски, брус, пиломатериалы.

Юрий Алексеевич не скрывает: конечно, основными помощниками были студенты. Участие в строительстве им засчитывалось как прохождение производственной практики.

В том же году первый свой институтский объект Серов успешно сдал. На появившихся площадях удалось разместить сразу несколько служб и отделов. Появился свой отдельный кабинет и у Юрия Алексеевича.

Но жизнь – штука непредсказуемая. Часто преподносит самые неожиданные сюрпризы. Так и тут. Вдруг умирает Рыжков. Для Серова его смерть стала настоящим ударом. Он так на него рассчитывал, надеялся. И вот такой печальный исход. Новым ректором назначили бывшего проректора по учебной работе Бориса Константиновича Красносёлова. На тот момент у Серова с ним сложились сложные отношения, и он решил, что теперь все перспективы рухнут. Вскоре после того, как тот вступил в должность, Юрий Алексеевич пришел к нему в кабинет и предложил освободить его от занимаемой должности. Сказал, что хочет заняться наукой, защитить кандидатскую диссертацию. Однако реакция нового ректора оказалась неожиданной. Он предложил «обнулить» прежние отношения и продолжить работу вместе. Более того, поддержал и идею заняться наукой. И даже пообещал, если это потребуется, стать научным консультантом.

Позже Серов кардинально изменит свое мнение о Красносёлове.

– По молодости, по неопытности я не сразу разглядел этого человека, – говорил он. – Мне казалось, что Борис Константинович недолюбливает меня, но я ошибся. Просто у него был особый характер. Он был честным, прямым, требовательным, принципиальным. Любую проблему схватывал на лету, быстро оценивал её и тут же принимал решение. Работать с ним было легко. В дальнейшем я

Лестеховцы, изменившие мир

ни разу не пожалел, что остался с ним, стал членом его команды.

По словам Юрия Алексеевича, это большое счастье – работать под началом хорошего и порядочного человека. А судьба не раз сводила его как раз с такими людьми.

Создание всех необходимых структур в институте Серов осуществил уже при Красносёлове. Появились отдел главного механика, отдел главного энергетика, служба связи, эксплуатационно-технический отдел, отдел охраны труда и ремонтная группа. Составили перспективный комплексный план развития. Одним из первых пунктов его значилось возведение новых общежитий. Именно из-за нехватки в них мест сдерживался набор студентов, большей частью которых были иногородние. На квартирах жить могли позволить себе далеко не все. Однако осуществить этот план оказалась непросто. Прежде всего потому, что средств и материальных ресурсов государство выделяло мало. А те, что выделялись, приходилось тратить на текущий ремонт зданий, прежде всего жилых.

В ту пору на балансе УЛТИ находилось целых 11 жилых домов, разбросанных по всему городу. В основном это были деревянные бараки с печным отоплением, которые приходилось то и дело латать. Требовался то текущий ремонт, то капитальный. В итоге все средства уходили на это. На новые объекты практически ничего не оставалось. Как быть? С этим вопросом Серов обратился к Красносёлову. Мол, получается замкнутый круг.

Думали-гадали долго. Выход из ситуации нашли неожиданный – передать ведомственное жилье на баланс города. Вот только захочет ли горисполком взять эту рухлядь? Пять или шесть барачков уже считались аварийными, срок эксплуатации их был давно просрочен. Однако деваться некуда. Серов подготовил необходимые письма во все нужные инстанции, а потом записался на прием к председателю горисполкома. И власти пошли навстречу, приняли дома института к себе на баланс.

Спустя тридцать лет, в начале девяностых, когда начнутся рыночные реформы, по этому пути пойдут даже крупные промышленные предприятия. Новые их владельцы захотят избавиться не только от ведомственного жилья, но и от всего соцкультбыта, даже от детских садиков. Как ни странно, государство по-прежнему считает, что это правильно. В результате проблему нехватки дошкольных учреждений нынешние власти не могут решить до сих пор. Что характерно, даже

этот путь не привел большинство заводов к процветанию. Однако это уже другая тема...

Освободившись от балласта, лестех вздохнул с облегчением. Кроме того, удалось пробить финансирование и в минвузе. Частично выделяла кое-какие ресурсы и область. Конечно, этому опять же предшествовали большие хлопоты. И прежде всего Серова. В результате институт начал две большие стройки – общежитий № 4 и № 5, по 400 мест в каждом. Для этого были привлечены уже крупные подрядные организации – тресты «Свердловскхимстрой» и «Уралмашстрой». Позже, при строительстве ещё трёх общежитий, подключится и трест «Гражданстрой».

Первым было сдано общежитие № 4, затем – № 5, потом – 6А и 6Б. Общежития № 7 и № 8 строил уже трест «Гражданстрой», и они были на 537 мест каждое. Что характерно, последнее трест возвел за рекордно короткое время – всего за 9 месяцев.

В 1987 году, когда УЛТИ в очередной раз занял первое место во всесоюзном смотре-конкурсе на лучшую организацию условий труда, быта и отдыха студентов, газета «Уральский рабочий» писала: «Итоги смотра-конкурса подводятся по 18 показателям. Основными из них считаются три: обеспеченность студентов жильём, местами на предприятиях общественного питания и, наконец, укрепление здоровья будущих инженеров. По всем этим показателям УЛТИ лидирует. Обеспеченность местами в общежитиях – 96,3 процента, в столовых и кафе – 98 процентов, различными формами укрепления здоровья охвачено 40 процентов студентов».

К тому времени в институте, помимо общежитий и столовых, уже действовало несколько спортивных сооружений. Дворец спорта, два спортзала, спортивно-оздоровительный лагерь на озере Песчаное. Причем лагерь и Дворец спорта были построены без всякого финансирования, только своими силами. Эти силы были – все те же студенты.

Так, заведующий кафедрой физического воспитания и спорта Владимир Иванович Листочкин не один год вынашивал идею строительства новых спортивных объектов. Но, увы, руки до них не доходили. И тогда он предложил использовать для этого строительные отряды. Профком, комитет ВЛКСМ это предложение поддержали. Что характерно, проект Дворца спорта сделал студент ЛИФа В. Ромашкин. Часть средств собрали, а точнее, пожертвовали из своего заработка сами работники института. Пиломатериалы поставил учебно-опытный лесхоз. И работа закипела!

Лестеховцы, изменившие мир

– Конечно, ошибок при строительстве мы допустили немало, – признался Серов. – Некоторые из них потом исправляли даже с помощью профессиональных строителей. Тем не менее в 1965 году Дворец спорта распахнул свои двери для всех желающих. Это был для института настоящий праздник.

Таким же способом был построен и спортивно-оздоровительный лагерь на Песчаном. Помимо различных спортплощадок, здесь появилось целых 14 жилых домиков-теремов. С башенками, с резьбой. Любо-дорого посмотреть! Для себя студенты строили, старались. Да и наставники у них были опытные.

Этот лагерь действует до сих пор!

А в 1971 году, когда его сдали в эксплуатацию, Красносёлов устроил там новоселье – пригласил в гости ректоров всех вузов города. Осмотрев лагерь, они не могли скрыть восторга. Затем в столовой, во время ужина, Красносёлова спросили: «Как вам без всякого финансирования удалось отгрохать такой лагерь?» «Это не моя заслуга, – ответил Борис Константинович. – Это вот кто построил, – указал он на Серова и Листочкина, сидевших за тем же столом. – Это им мы должны сказать спасибо. Ну и тем студентам, которые тут проходили практику».

Еще большую благодарность Серов заслужил, когда затеял построить для преподавателей и сотрудников два жилых дома. Это была сенсация. Очередь на жилье в институте была огромная. Многие работники о получении собственной квартиры могли только мечтать. Поэтому смотрели на Серова как на спасителя, буквально молились на него.

Что характерно, денег на строительство жилых домов государство не выделяло. Однако Серов придумал способ, который помог решить проблему без привлечения средств. Разговорился однажды со своим подрядчиком, который возводил общежития, – начальником СУ-12 треста «Свердловскхимстрой» Владимиром Александровичем Колчиным. Мол, нельзя ли как-то сообща построить жилой дом? Сперва речь шла только об одном. Дескать, у института есть земля, что уже немаловажно: получить землю в советское время было тоже делом хлопотным. Есть все коммуникации – теплотрасса, водовод, электросети. А это тоже имеет большое значение. Плюс к этому – лес, пиломатериалы, а также помощь студентов. Собеседник задумался, стал прикидывать все плюсы и минусы. И пришёл к выводу, что плюсов много. Тем более «Свердловскхимстрою» да и самому строительному управлению № 12 тоже надо

было решать проблемы жилья своих сотрудников. В итоге Колчин предложил такой вариант: он монтирует на свои средства пятиэтажный дом-вставку на 40 квартир между двумя общежитиями. Один подъезд (20 квартир) забирает себе, а другой подъезд отдает институту.

Серов доложил об этой идее Красносёлову, тот возражать не стал. Вскоре 20 семей лестеха справили новоселье.

Таким же образом позже был построен на территории студгородка ещё один жилой дом, но уже девятиэтажный, на 108 квартир. Правда, его возводила уже другая организация – ДСК, Свердловский домостроительный комбинат. В нём лестеху досталось только 33 квартиры, однако и эта доля помогла существенно сократить очередь нуждающихся в жилье.

Бывший ректор лестеха В.Н. Старжинский, возглавлявший вуз с 1991 по 2006 годы, однажды отметил: «За то, что Серов построил два дома и помог обеспечить жильём 53 институтских семьи, многие наши сотрудники его буквально боготворят, называют святым!»

Давний друг и соратник Серова, бывший заведующий кафедрой «Деталей машин» Леонид Андреевич Шабалин считает, что лестеху сильно повезло с проректором по АХЧ. Быть может, повезло так, как ни одному другому вузу. Потому что административно-хозяйственную часть возглавлял человек по-настоящему беспокойный, а главное – любящий своё дело. Не так давно в газете «Инженер леса» Шабалин писал: «За время работы Серова в вузе учебно-лабораторная база выросла более чем в два раза и составляет сейчас 40 тысяч квадратных метров, общая площадь спортивных сооружений увеличилась в 15 раз, число мест в студенческих общежитиях – в четыре раза, в столовых – в шесть раз!»

Кстати, Шабалин считает, что если бы АХЧ возглавлял другой, не столь беспокойный человек, то некоторые сооружения в лестехе, возможно, так и не появились бы. Прежде всего это касается подземного перехода через Сибирский тракт.

Как известно, улица эта оживлённая, поток машин по ней идёт нескончаемый. А потому аварии с участием студентов случались на её проезжей части не раз. К сожалению, бывали и со смертельным исходом...

После очередного такого ЧП на совещании у ректора (тогда им был доктор наук, профессор Н. А. Луганский) Серов предложил построить через Сибирский тракт подземный переход. Николай Алексеевич,

Лестеховцы, изменившие мир

разумеется, не возражал, так как прекрасно понимал, что никакие увещания студентов не перебегать до рогу перед близко идущим транспортом не помогут. Кардинальное решение – именно подземный переход. Но вот вопрос: где взять на его строительство денег? Для вуза это непрофильный объект. Тем не менее Серову предложили поискать источник финансирования. А вдруг повезёт?

Юрий Алексеевич отнесся к просьбе со всей ответственностью. Стал стучаться в высокие кабинеты, обращаться в различные инстанции, в том числе в родное министерство высших учебных заведений РФ. Но ответы приходили неутешительные. И тут Серов вспомнил об одном своем давнем знакомом, бывшем выпускнике лестеха Николае Тимофеевиче Потапове, который делал партийную карьеру, работал инструктором ЦК КПСС. В то время считалось, что это уже высокопоставленный чиновник. Решил позвонить ему, посоветоваться. Бывший лестеховец нос задира не стал – поговорил с Серовым по-хорошему, по-дружески. При этом подсказал, где искать деньги. По его словам, надо обращаться в МВД, так как подземные переходы находятся в ведении ГАИ, а эта структура министерства внутренних дел. Серов так и сделал. Направил туда письмо и, к его удивлению, пришёл ответ, о котором он мог только мечтать!

Вскоре лестех получил финансирование и своими силами приступил к важной стройке. Заранее были стянуты к проезжей части все необходимые бетонные конструкции, техника, и в одну из летних ночей экскаваторами быстро прорыли необходимой глубины траншею и смонтировали переход. Причём удалось это сделать, не перекрывая полностью движения. На следующий день улица уже была заасфальтирована. Затем началась внутренняя отделка камнем, мрамором, были уложены лестницы. Нет сомнений, этот переход сохранил жизни и здоровье многих студентов.

Как уже говорилось выше, за годы работы в лестехе при участии Серова было возведено 70 различных зданий и сооружений. Но особое место среди них, конечно, занимает учебно-лабораторный корпус № 2 площадью 14421 квадратный метр, который разместился там же, на Сибирском тракте, но ближе к парку имени Лесоводов России. Его строительство полностью финансировалось минвузом. По сути, это целый комплекс зданий.

Кстати, чтобы попасть туда, как раз и нужен подземный переход: УЛК-2 находится на другой стороне Сибирского тракта.

– Изначально проектно-сметную документацию мы и готовили сразу на весь комплекс, который, помимо учебного корпуса, включал Дворец спорта, клуб и столовую, – вводил меня в тонкости дела Юрий Алексеевич. – Однако целиком минвуз смету не утвердил. Объяснили так: дескать, чем дороже объект, тем сложнее его согласовать на самом верху. Для этого требуется получить добро в Совете Министров РСФСР. А это более проблематично. Да и времени займёт больше. Поэтому предложили разбить проект на части. Дурь, конечно, но куда деваться? Мы так и сделали, сметы переписали. УЛК-2, Дворец спорта, клуб и столовую оформили как отдельно стоящие здания.

Эта стройка для Серова была одной из самых сложных. И самой продолжительной по времени: длилась полтора десятка лет. В долгострой она превратилась отчасти потому, что подрядчиком оказался не самый удачный трест – «Свердловскпромстрой». Эта организация в основном занималась строительством промышленных объектов. До лестеха возводила цех холодной прокатки ВИЗа. Монтировать стальные конструкции специалисты треста умели, а вот панельные – не очень. Просто не было опыта. Случался даже брак, когда стены ставили, а потом разбирали, чтобы исправить ошибки. Основные силы трест использовал на главном объекте – учебно-лабораторном корпусе. И в середине восьмидесятых, хоть и с некоторыми недоделками, его всё же сдал. В нём начались занятия. Одновременно в его аудиториях слушали лекции две тысячи студентов. А вот пообедать после лекций этой массе людей было негде – строительство столовой не велось. А между тем она тоже считалась пусковым объектом. В советское время за невыполнение планов спрашивали строго. Вот и тут над руководителями треста начали сгущаться тучи. Проблемная стройка попала в поле зрения областных властей. Сперва ей заинтересовался председатель облисполкома Анатолий Александрович Мехренцев, кстати, дядя нынешнего ректора УГЛТУ. Он провёл у себя в кабинете совещание, на которое пригласил представителей подрядчика и заказчика. Это был жесткий разговор. Однако сдвинуть дело с мертвой точки не удалось. И тогда проблемой заинтересовался первый секретарь обкома КПСС Борис Николаевич Ельцин. Он не стал никого вызывать к себе «на ковер», а 26 октября 1986 года сам приехал на стройку. Тут его уже ждали начальник треста Е.В. Бессонов, первый секретарь Октябрьского райкома КПСС города Свердловска М.П. Репенко,

Лестеховцы, изменившие мир

а также представители УЛТИ. Всей гурьбой направились смотреть столовую. Когда зашли в пустую коробку, в которой гулял холодный ветер, лицо у Ельцина посуровело.

Бессонов пытался объяснить, что задержка в строительстве связана с отсутствием необходимого оборудования и нехваткой средств. Однако Борис Николаевич его словно не слышал. Он резко перебил его и в приказном порядке заявил: «Значит, так. Чтобы к Новому году столовая была сдана! Вы меня поняли? Не сдадите – выложите мне на стол партбилет».

Возражать Бессонов не посмел. Это было чревато. Хотя до Нового года оставалось совсем ничего – каких-то два месяца. Контроль за сдачей столовой Ельцин возложил на Репенку. Это означало, что спрос будет и с него. Поэтому уже через день он собрал у себя в райкоме экстренное совещание, на котором был составлен план действий. Вслед за этим прошло заседание парткома и в УЛТИ. На нем сформировали штаб строительства столовой, возглавить который поручили Серову. После этого планерки по утрам с участием заказчика и подрядчика стали регулярными. Благодаря партийным органам к решению проблем удалось привлечь управляющего трестом «Уралмашстрой» Владимира Александровича Колчина – того самого, который до этого возглавлял СУ-12 треста «Свердловскхимстрой» и помогал лестеху решать проблему жилья, начальника Управления материально-технического снабжения Свердловской области Юрия Леонидовича Мелешко, управляющего стройбанком Андрея Михайловича Шлому, начальника отдела горисполкома Л.А. Тимшина, а также проректоров по АХЧ всех вузов Свердловска. Чем могли, помогали все. Так, Тимшин оказал содействие в поставках технологического и холодильного оборудования, Колчин выделял людей и технику, Мелешко – стройматериалы.

– Это был настоящий аврал, – говорил Юрий Алексеевич. – Не выполнить приказ Ельцина мы не могли. А потому работали с утра до ночи. Конечно, без участия студентов не обошлось и здесь. На время их освобождали от занятий. В иные дни на объекте трудилось до ста человек. Полы, внутренняя отделка, штукатурка, покраска – все это делалось руками студентов. В итоге к Новому году, как и требовал Ельцин, а точнее, 25 декабря, столовая была сдана!

Чтобы рассказать обо всем, что построил Серов, надо писать целую повесть. Даже просто перечислить все его объекты – и то сложно. И все же ещё об одном хотелось бы сказать. Это особо характеризует

и самого Серова, и его друзей-лестеховцев, умеющих изменять мир.

Перед пуском УЛК-2 требовалось подвести к зданию все необходимые коммуникации – теплотрассу, водовод и электрические кабели. Тянуть их надо было от главного корпуса. Расстояние небольшое, но серьёзную помеху создавала ветка железной дороги, которой пользовались близлежащие торговые базы и предприятия. Как быть? Разбирать рельсы? Останавливать движение поездов? Выяснилось, что без согласования с железной дорогой этот вопрос не решить. А чтобы согласовать, потребуется не один месяц. И ещё не факт, что СВЖД даст добро. Строители подрядной организации, узнав о такой проблеме, заявили, что не будут тянуть коммуникации под железной дорогой. Дескать, зачем нам головная боль и лишняя ответственность? Посоветовали институту решать этот вопрос самостоятельно. Выход оставался один – проложить под железнодорожной насыпью тоннель без всякого согласования, тайно. Но каким образом? Ведь все равно заметят. А дело вообще-то нешуточное, связанное с безопасностью железнодорожного движения. А если подкоп приведёт к ЧП? Можно и под суд угодить.

И тогда на помощь пришел уже известный нам Шабалин. Он предложил вместо тоннеля протянуть под насыпью трубу диаметром в тысячу миллиметров. В техническом плане решение идеальное. Но Серов понимал: риск всё равно большой. Тем не менее на эксперимент согласился. Просто деваться было некуда. Без коммуникаций как сдашь УЛК-2 в эксплуатацию? А сроки уже поджимали.

Шабалин решил действовать по ночам. Он притянул трактором трубу к самой насыпи, а затем вручную с теми же студентами сделал небольшой подкоп. После чего ножом трактора толкнул трубу в этот подкоп. Её конец вошёл в него. После чего действовали так: студенты, согнувшись, заходили в трубу, благо воздуха в ней хватало, и, словно кроты, кирками и лопатами продолжали рыть грунт дальше. Землю выносили ведрами и высыпали в стороне от железной дороги, чтоб никто не обнаружил никаких следов. А затем опять толкали трубу трактором. Чем дальше уходил подкоп, тем дальше заходила в него труба. Причём диаметр подкопа не превышал диаметра трубы. Таким образом, она не причиняла вреда насыпи.

Ровно через неделю противоположный конец трубы оказался на другой стороне железной дороги. Что характерно, ни одна душа не обратила на это внимания. После этого строители вновь приступили

Лестеховцы, изменившие мир

к прокладке коммуникаций. Все они были подведены и подключены к УЛК-2 в срок.

Кстати, этот тоннель существует до сих пор!

Преданных лестеху людей в УГЛТУ немало. Серов среди них занимает особое место. Бывший ректор Василий Андреевич Азарёнок, руководивший учебным заведением с 2006 по 2011 годы, однажды отметил: «Наш вуз восемнадцать раз занимал призовые места во всесоюзном соревновании «За лучшие условия труда, быта и отдыха студентов», был удостоен высокого звания имени Ленинского комсомола, награждён за большие заслуги орденом Трудового Красного Знамени. Уверен, эти достижения без Юрия Алексеевича были бы невозможны».

Труд самого Серова тоже высоко оценило государство. Он награждён орденами Знак Почёта и Почёта, а также пятью медалями.

Несмотря на хлопотную должность проректора по АХЧ, Юрий Алексеевич не забывал заниматься и

наукой. В какой-то мере тема его интересов и в этой сфере имела отношение к строительству. Он исследовал вопросы защиты древесных конструкций от поражения деревоокрашивающими грибами. Тема более чем актуальная и в наше время, когда снова нарастает бум деревянного домостроения, особенно среди «новых русских», желающих жить в экологически чистых коттеджах.

Юрий Алексеевич – автор ряда публикаций и изобретений в этой области. Итогом его исследований стала кандидатская диссертация, которую он успешно защитил под руководством профессора Д.А. Беленкова в своём родном Ленинграде. Серов – кандидат биологических наук.

А ещё Юрий Алексеевич – родоначальник целой династии в лестехе. По его стопам пошла не только дочь Елена, но и внук Юрий. В настоящее время он уже заканчивает университет. Значит, есть кому передать эстафету...

Анатолий ГУЩИН